

А. Е. Бочкарев

О СТАТУСЕ КОМПОНЕНТОВ ЗНАЧЕНИЯ

Дискуссии вокруг компонентного анализа сводятся в основном к вопросам: в каких терминах определять компоненты значения, можно ли считать их малочисленными, предельными, универсальными «атомами смысла»? От ответа на эти вопросы зависит характер семантического исследования, а вместе с ним и решение таких основополагающих вопросов философии языка, как отношение между языком и действительностью, существование, истина и знание.

А. Bochkaev

STATUS OF SEMANTIC FEATURES

The semantic analysis is largely concerned with the question if the semantic features are conceptual, primitive, universal, referential or relative units. The reply to this question aims to clarify such problems of philosophy of language as a relation between the language and the world, the knowledge and the truth, how the language is related to the world and how the knowledge of the world is stated in the study of meaning.

По общепринятому мнению единицами субстанции содержания являются семантические компоненты — семантические маркеры и различители, классемы и семантемы, архисемы и дифференциальные семы, ядерные и контекстуальные семы, дифференциальные и интегральные признаки, видовые и родовые семы, ингерентные и афферентные семы.

Помимо аналогий с фонологическим анализом, отправной точкой такого деления служит известное положение морфосинтаксиса, по которому содержание любой морфемы можно разложить на элементарные составляющие. Английскую морфему *at*, например, можно представить в виде пяти составных элементов: /быть/, /первое лицо/, /единственное число/, /настоящее время/, /изъявительное наклонение/, а значение англ. 'bachelor' холостяк — отобразить по аналогии в виде набора компонентов /физический объект/, /живой/, /человек/, /мужской пол/, /взрослый/, /никогда не был женат/¹.

Не вдаваясь в обсуждение, насколько приемлемым является такой способ представления, заметим пока, что дискуссии вокруг компонентов значения сводятся в

основном к таким принципиальным для семантики вопросам:

- предельны ли компоненты значения?
- универсальны ли компоненты значения?
- в каких терминах определять компоненты значения — как референтные, понятийные или реляционные признаки?

От ответа на эти вопросы зависит характер семантического исследования, а вместе с ним и решение таких основополагающих вопросов философии языка, как отношение между языком и действительностью, существование, истина и знание.

Остановимся подробнее на поставленных вопросах, чтобы понять, как оформляется субстанция содержания в толковании и насколько значимым в эпистемологическом отношении является такое оформление.

1. *Компоненты значения не универсальны.* Со ссылкой на «врожденные идеи» компоненты значения уподобляют нередко универсальным категориям человеческого разума. По примеру Э. Гуссерля такие «примитивы» семантической теории называют ноэмами. «Ноэма, — пишет Б. Потье, — это элементарная, универсальная, абстрактная фигура смысла»².

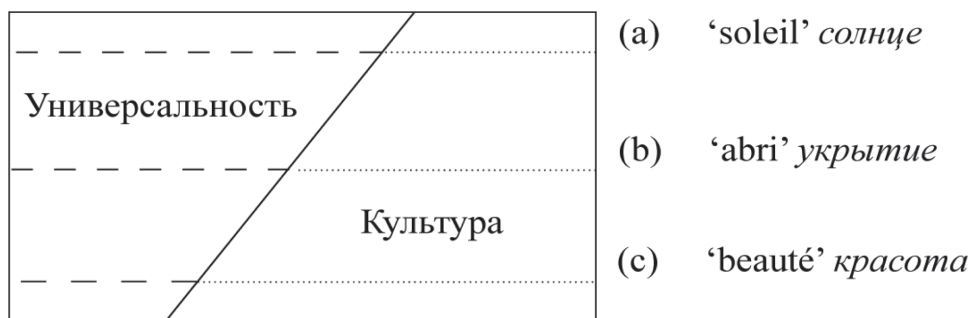
Если по примеру Э. Гуссерля под ноэмой понимать «смысловую коррелят предметности», к которому восходит как пределу вне-субъективной сущности познание, содержание ноэмы тогда и в самом деле универсально, а в универсальности свободно от субъективных суждений: это эйдос в платоновском смысле. Между тем даже ноэму, заметим, вряд ли можно считать универсальной. Во всяком случае, как «диалектически-иерархическое восхождение к идее» это скорее «бесконечное варьирование значения»³, «многогранный смысл»⁴.

В интенциональном переживании предмета универсальным может быть разве только принцип корреляции предметности и значения, но не смысловой коррелят предметности, не содержание ноэмы. Не-

даром в предлагаемой Б. Потье модели концептуализации действительности универсалии преобразуются по мере прохождения через разнообразные «культурные фильтры», в том числе мифологии, религии, социума и опытных таксономий, и тем самым утрачивают всеобщий характер:

кодификация¹ > культурные фильтры > кодификация² > преобразование в знаки > ЯЗЫК...

В самом деле, соглашается Б. Потье, во всяком восхождении к идее есть что-то от «универсальности» и что-то от «культурности»⁵, причем в пропорциональной зависимости соотношение между «универсальным» и «культурным» может существенно меняться. Например:

(a) как сущность *солнце* универсально, но его связывают зачастую с разными верованиями и представлениями — теплом, лучами, королевской властью, таоистским мужским началом «ян», счастьем и силой;

(b) *укрытие* — место, где можно укрыться от опасностей, принимающее в зависимости от этнических, климатических или социальных условий, самые разнообразные формы;

(c) как позитивное эстетическое начало *красота* везде признается, но определяется всякий раз по отношению к украшениям, пейзажу, рисунку или строению как необходимому своему основанию, без которого ее невозможно представить.

Каким бы ни было соотношение между «универсальным» и «культурным» компонентами, ноэма не становится оттого универсальным «атомом смысла»:

- Содержание ноэмы релятивизируется относительно интенционального переживания предметной сущности. Недаром Б. Потье проводит различие между «уни-

версальным» и «культурным» компонентами кодификации значения, универсалиями и «культурными фильтрами».

- Ввиду переменчивости интенциональных переживаний различаться могут и сами по себе смысловые корреляты предметной сущности, а значит, и содержание ноэмы. Поэтому в «культурной» кодифи-

кации значения Б. Потье различает множество «культурных фильтров», в том числе мифологию и религию, верования и обычаи, научные и житейские представления.

Ноэму нельзя считать и языковой единицей:

- Даже если ноэму пропустить, как предлагает Б. Потье, через «культурные фильтры» в виде мифологических, религиозных, научных или каких-то других представлений, она не становится оттого языковой единицей, а остается разве только коррелятом познания в соответствующей системе представления.

- Интенциональный коррелят предметности и компонент языкового значения, ноэма и семантический признак, суть величины разного порядка. Недаром Б. Потье проводит различие между ментальными репрезентациями и языковыми структурами, между «быть» (*être*) и «казаться» (*paraître*)⁶.

- Языковой ноэма становится, очевидно, только после обращения в языковые знаки, т. е. на этапе: кодификация² > преобразование в знаки > ЯЗЫК.

Поэтому заключим, ноэтический компонент значения не следует смешивать с языковыми компонентами значения. Семантические признаки, какими бы универсальными «атомами смысла» они ни казались, следует скорее определять в рамках сосюрровской теории значимости — по отношениям между семемами⁷. При этом в эпистемологическом отношении, заметим, далеко небезразлично, как выстраиваются эти отношения в изучаемом языке и как меняются от языка к языку выделяемые на основе этих отношений семантические признаки.

2. *Компоненты значения не минимальны.* В стремлении к абсолюту компонентная семантика намеревается установить минимальные компоненты значения, дабы с их помощью описать лексический состав изучаемого языка и тем самым отразить все существующие между словами связи и отношения.

Возьмем в качестве отправной точки знаменитый пример Дж. Катца: ‘bachelor’ *холостяк* = /физический объект/, /живой/, /человек/, /мужской пол/, /взрослый/, /никогда не был женат/⁸. Впечатление, будто сложное содержание ‘bachelor’ *холостяк* делится на предельные компоненты значения, иллюзорно. И не только потому, что каждый из указанных здесь признаков существует в языке в виде самостоятельной лексемы, но и потому, что его можно разложить на другие признаки, а эти признаки свести к еще более «элементарным» компонентам значения: ‘человек’ = /живое существо/, /обладает даром мышления/; ‘взрослый’ = /возраст/, /половая зрелость/ и т. п.

Не вдаваясь в рассуждения, являются ли установленные в ходе декомпозиции семантические «примитивы» предельными компонентами значения, заметим пока, что редукция сложного значения к составным компонентам позволяет отразить в словаре системные семантические связи изучаемой лексической единицы с максимальным числом других единиц⁹. По сути, именно такие связи являются если не условием, то хотя бы гарантией оптимального толкования. В противном случае нельзя понять, где заканчивается семантическая декомпозиция и насколько оправданы поиски предельных компонентов значения.

Для интерпретирующей семантики, однако, главное — не установить предельные компоненты значения, а понять, какие семантические признаки востребованы в толковании и как эти признаки коррелируют в эпистемологическом отношении с системой знаний, мнений и убеждений. Например, в высказывании *Жена была в командировке, и он жил холостяком* в семье ‘холостяк’ обязательной актуализации подлежат кодифицированные в системе культуры афферентные признаки /неупорядоченность быта/, /отсутствие домашнего уюта/ и т. п. Оттого-то в изложении Ю. Д. Апресяна это высказывание предстает в перифразировке вида [*жил*] *не усложняя*

*себе жизнь устройством быта, не заботясь о домашнем уюте и порядке, но зато, может быть, участвуя в веселых дружеских встречах — словам, так, как в представлении общества свойственно жить холостякам*¹⁰.

3. Компоненты значения не малочисленны. В рамках компонентного анализа нередко полагают, что путем последовательного разложения сложных значений на элементарные компоненты можно получить сравнительно небольшое число семантических признаков, а с помощью нескольких сотен или даже десятков сем — описать словарный состав любого языка.

Отправной точкой такого «минималистского» подхода в исследовании значения служит известное положение из области фонологии, будто фонологические системы всех языков можно при желании описать с помощью ограниченного числа различительных признаков. Действительно, в первом приближении можно по аналогии предположить, что так же, собственно, обстоит и с компонентами значения, что базовые компоненты значения воспроизводятся в значении разных слов, что значения пересекаются, а изучаемые лексической семантикой слова отличаются разве только по составу и сочетаемости компонентов значения.

В иерархической классификации предметной лексики, построенной по типу дерева Порфирия, можно, в самом деле, установить общие признаки, а с изменением таксономической глубины в сторону абстрагирования — предельно общие признаки общим числом не более десятка. Так, по отношению к классам разного объема 'кошка', например, характеризуется по признаку /семейства кошачьих/ (внутри класса кошачьих), /млекопитающее/ (внутри класса млекопитающих), /животное/ (внутри класса животных). Такие компоненты значения суть родовые семы разной степени обобщения. По ним можно судить о категориальном членении мира, но нельзя описать все существующие в языке оттенки и конфигурации значения.

В реальном употреблении, во всяком случае, помимо указанных категориальных свойств 'кошка' определяется еще и по некоторым сопутствующим, но оттого не менее значимым семантическим признакам: /священное животное/ (в контексте «древнеегипетская мифология»), /неудача/ (в контексте «черный кот дорогу перейдет») или /независимая/ (в контексте «любит гулять сама по себе»). Возникает вопрос, можно ли и нужно ли вообще жертвовать такими признаками в угоду общим компонентам значения и тем самым сокращать число признаков до некоторого ограниченного набора — нескольких сотен или даже десятков сем. Очевидно, нет: такая редукция обернется упрощением и даже обеднением структуры значения.

Против «минималистского» подхода в исследовании значения говорит, наконец, и такое немаловажное обстоятельство, что подсчетом сем заниматься можно лишь при условии свободной их сочетаемости. Между тем, замечает Ф. Растье, таковой она в действительности не является — ни в парадигматике, ни в синтагматике: в парадигматике семы определяют по принадлежности семантическому классу, в синтагматике — по лексической солидарности и сочетаемостным ограничениям¹¹. Причем в обоих случаях семы определяются через отношения между семемами.

Короче говоря, первоначальный период розовых надежд безвозвратно миновал; и вряд ли кто будет сегодня утверждать, что словарный состав языка можно описать с помощью ограниченного числа «атомов смысла». Семантических признаков в языке не меньше, чем семем; и релевантным для анализа значения является, по сути, даже не количество признаков, а устанавливаемые при их посредстве отношения между семемами.

4. Компоненты значения — не свойства референта. В первом приближении можно предположить, что содержание семемы экстенционально и что все входящие сюда семантические признаки совпадают необхо-

димым образом со свойствами внеязыкового объекта (референта). К этому склоняют, во всяком случае, эмпирические правила¹². Руководствуясь такими правилами, можно, в частности, утверждать, что 'кошка', например, характеризуется по признакам /с мягкой шерсткой/, /вертикально посаженный зрачок/, /любит поспать/, если в референции к какому-то индивиду объекту эти свойства подтверждаются непосредственными нашими ощущениями.

Компоненты значения приводятся в таком случае в соответствие с данными нам в чувственном ощущении наглядными представлениями, а гарантией соответствия служит *непосредственно* перцептивный опыт. Но как бы убедительно ни выглядело такое соответствие, аппроксимация к «эмпирическому опыту» — еще не довод в пользу исключительно экстенционального анализа значения. Некоторые референтные признаки входят действительно в структуру значения, но из этого не следует, что все компоненты значения суть обязательно референтные признаки.

Установка на экстенционал в угоду пресловутому «чувству реальности» (Б. Рассел) оборачивается на деле трудноразрешимыми проблемами:

- В экстенциональном определении число семантических признаков, по которым можно охарактеризовать какой-то индивидуальный объект, если не бесконечно, то неопределенно. Так, в референции к какому-то индивиду объекту *кошку*, например, можно охарактеризовать не только по общезначимым таксономическим свойствам, но и по многочисленным переменным значениям: /с мягкой шерстью/, /не ловит мышей/, /царапается/, /любит сметану/ и т. п. Между тем действительно востребованными в языке являются только различительные признаки¹³, по которым *кошку* можно, например, отличить от *собаки*, а в употреблении — только актуализированные в контексте признаки. Так, помимо таксономических признаков /животное/, /семейства кошачьих/, в знаменитом

произведении Киплинга, например, профилирующим в семеме 'кошка' будет, очевидно, афферентный признак /любит гулять сама по себе/, в поэмах Бодлера — /нега/ и /женственность/, а в древнеегипетских сакральных текстах — /священный/.

- О референтных компонентах значения можно к тому же говорить лишь при условии, если они целиком и полностью соответствуют свойствам внеязыковых реалий, а восприятие этих реалий является повсюду идентичным. Между тем, как показывает сопоставительный анализ, в разных системах исчисления приписываемые *кошке* или *коту* свойства не совпадают: в мифопоэтической традиции *кот*, например, ассоциируется с демоническим началом, ученостью или похотью, а в обыденном представлении — с неудачей (ср. *черный кот дорогу перейдет*) или, напротив, с устроенным бытом и домашним уютом.

- В референции к индивиду объекту значительные сложности вызывают, наконец, и случаи несоответствия (или неполного соответствия), когда свойства какого-то индивиду объекта входят в противоречие с общеизвестными прототипическими свойствами. Отсюда неизменный вопрос, которым задается постоянно экстенциональная семантика, остается ли *кошка без хвоста* «кошкой», *нож без лезвия* — «ножом», *сломанный стул* — «стулом».

Поэтому, заключим, определение компонентов значения должно быть скорее интенциональным: содержание семемы следует определять не через референцию к внеязыковым объектам, а путем соотношения с другими семемами внутри изучаемой языковой последовательности.

5. *Компоненты значения — не часть понятия.* По распространенному мнению, значение слова нельзя представить без обращения к денотативно-понятийной области: через лексическое значение просвечивает непременно понятийное значение.

Языковое значение нельзя, в самом деле, изучать без учета того, что лежит за пределами собственно языковой семанти-

ки. Но, даже признав, что значение слов коррелирует с понятием, нельзя не заметить, что за исключением специальных терминов значение не совпадает полностью с понятийным содержанием, а отбирает здесь разве только «коллективно осмысленное и социально принятое смысловое ядро». Именно эта часть понятийной информации и «имеет шанс стать семантическими компонентами (понятийно-языковыми признаками) и вместе с собственно-языковыми (системно обусловленными признаками) образовать языковое лексическое значение»¹⁴.

Это еще, конечно, не повод, чтобы уподоблять все без исключения компоненты значения элементам понятия, а затем проверять, как это делается в условно-истинностной семантике, соответствуют ли они истинному положению вещей в той или иной области знания. Помимо таксономических знаний, в значении учитываются и разного рода обыденные представления. В качестве примера возьмем хотя бы такое высказывание Н. С. Лескова: *Мне при этом всегда вспоминаются довольно циничные, но справедливые слова одного русского генерала, который говорил про немцев: какая беда, что они умно рассчитывают, а мы им такую глупость подведем, что они и рта разинуть не успеют, чтоб понять ее* («Железная воля», II).

По определению ‘немец’ и ‘русский’ (‘мы’) совпадают по общему родовому признаку /национальность/, поскольку входят по этому признаку в таксономию «национальность», внутри которой различаются соответственно по видовым признакам /немец/ vs /русский/. Между тем наряду с указанными таксономическими признаками в семемах ‘немец’ и |‘русский’| (‘мы’) актуализации в контексте подлежат еще и аф-

ферентные видовые признаки: ‘немец’ / расчетливый/ vs ‘русский’ /непредсказуемый/. Причем условием такой актуализации здесь служат, очевидно, не только внутритекстовые интерпретанты в виде ближайшего лингвистического контекста, но и, что не менее показательно, устойчивые представления об особенностях национального характера. Поэтому заключим, компоненты значения суть не обязательно понятийные признаки.

Первостепенно важным в эпистемологическом отношении становится в итоге вопрос, какие систематики участвуют в оформлении языкового значения и как оформляется в разных систематиках это значение.

Место заключения. Значение слова нельзя представить без учета того, что лежит за пределами языка: в значении учитываются необходимым образом знания о мире; причем главное тут не установить, что в языке от внешнего мира, а что от внутренней структуры, но понять, как преломляются знания о мире в языке.

Такое на первый взгляд очевидное установление принципиально для семантического анализа. По части хотя бы статуса компонентов значения. Ибо, если к значению заключать от отношений между знаками, вряд ли целесообразно тогда вопрошать, предельны ли вообще компоненты значения, следует ли определять их как референтные и/или понятийные признаки, тем более утверждать, что компоненты значения суть универсальные признаки. Поскольку семантические признаки устанавливаются в пределах области, покрываемой языковой семантикой, намного целесообразнее определять их в рамках сосюрговской теории значимости — по отношениям между семемами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Катц Дж. Семантическая теория // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. — М.: Прогресс, 1981. — С. 35.

² Pottier B. Représentations mentales et categorisations linguistiques. — Louvain; Paris: Editions Peeters, 2000. — P. 14.

- ³ Лосев А. Ф. Философия имени. – М.: Изд-во Московского университета, 1990. – С. 225.
- ⁴ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – Т. 1. – С. 197.
- ⁵ Pottier V. Op. cit. – P. 9.
- ⁶ Ibid. – P. 14–16, 20–22.
- ⁷ Ср. Растье Ф. Интерпретирующая семантика. – Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2001. – С. 28–30.
- ⁸ Катц Дж. Семантическая теория. – С. 35.
- ⁹ Ср. Апресян Ю. Д. Основания системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография. – М.: Языки славянских культур, 2006. – С. 56; Кустова Г. И., Падучева Е. В. Словарь как лексическая база данных // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 96–106.
- ¹⁰ Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография // Избранные труды в двух томах. – М.: Языки русской культуры, 1995. – Т. 2. – С. 164.
- ¹¹ Растье Ф. Интерпретирующая семантика. – С. 31.
- ¹² Айдукевич К. Язык и смысл // Логос # 7. Философско-литературный журнал. – 1999. – № 17. – С. 67–93.
- ¹³ Ср. Апресян Ю. Д. Основания системной лексикографии. – С. 75; Растье Ф. Интерпретирующая семантика. – С. 26, 27.
- ¹⁴ Кузнецов А. М. От компонентного анализа к компонентному синтезу. – М.: Наука, 1986. – С. 61–62.